

Андрей НОВИКОВ

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

Эта тайна уходит в апостроф,
Не в предательстве дело... Но в чем?
Как же так? Ведь любимый апостол
Мог бы ведать от рая ключом!

В стольном граде беда заночует,
Праздник Пасхи неспешно грядет.
Кто еще нас предаст поцелуем?
Кто еще в небеса заберет?

Испытал его с неба сошедший,
Стал соблазн непосилен и крут.
Подготовь свою землю, горшечник,
Под кладбищенский скромный уют.

Серп луны заострился, как бритва,
И расправа сегодня быстра,
Стали пресны посты и молитвы,
Стало гибельным пламя костра.

Стражи ныне свирепы и трезвы,
Блещут лезвия сталью судьбы.
Нависают в безмолвии бездны,
Из земли вылезают гробы.

В ночь отравую стала отрада,
Скорбно рушатся веры столпы
В тишине Гефсиманского сада,
На виду у пришедшей толпы.

Слезы льют непорочные дочери,
Сыновья вопиют, ибо Бог
Не ему ли на Тайной вечере
Совершил омовение ног?!

Бесприютно осина поникла,
Тяжесть грешного тела приняв,
Ну а тридцать серебряных сиклей
Взял храмовник, его не поняв.

ВЕРТЕП

Загорелась морозно и слепо
Неживая звезда над виском.
В Рождество я стоял у вертепа
и беззвучно молился тайком.

Мне казалось, что все будет после,
Даже чудо случится без слов.
Охрой выкрашен гипсовый ослик
И тряпичные куклы волхвов.

Неживые еловые лапы
В обрамлении были строги,
И над всем, как немые этапы,
Лишь сияли дары из фольги.

Только дух ароматного масла
Воспарил над сухою травой –
Светлой радостью полные ясли,
И ребенок, веселый, живой.

Как теперь осознать воскресенье,
Вознесенье за сменою мук?
И чреватым казалось спасенье,
Разрушая чертоги вокруг.

Власть дрожала уже без сентенций,
Вот и Ирод полез на рожон,
Целлулоидных резать младенцев
Перочинным, дешевым ножом.

На какой остановимся плате,
Богоборческий меряя срок?
Открывайся мне, тайна печати,
Кокон свой покидай, мотылек!

ИОНА

Ужин был из незрелых смоковниц,
Надвигалась над морем гроза,
Долго спорили, кто же виновник?
И смотрели друг другу в глаза.
Буря крутит груженую сфину,
Брошен жребий ответом для всех,
Отправляют пророка в пучину –
Усмирить этой жертвою грех.
Он всё принял, сроднился с бедою,
Волны бурно над телом сошлись,
Весь объятый морскою травою,
Только вторил рассудок: держись!
Но усилились сразу напасти,
Робок дух, и беда оттого.
Вот и чудище с красною пастью
Как в воронку затянет его...
Третий день испытания длится,
Бездн морских роковая черта,
Тяжело ему было молиться
В смрадном, сумрачном чреве кита?
А потом он очнется, и в зное
Пыльный берег и древо над ним,
От палящего солнца закроет,
Освежит легким бризом морским.
Станет путь беспримерным и смелым,
Где пройдет – там святые места,
Имя, ставшее голубем белым
Предсказавшее подвиг Христа.

ЮДИФЬ

На празднике, в радости скверной,
В слезах, сквозь соблазн и расчет,
Юдифь с головой Олоферна
кровавое блюдо несет.
Повержен языческий враг,
Свершилась со смертью игра,
Парчовый откинула полог
и гордо ушла из шатра.
Нависла тяжелая мука,
и стражи отныне – слепцы.

При них шелудивая сука
щенкам отдавала сосцы.
Еще ей не кинули хлеба,
и был ли правителя стон?
Задернуто вечное небо –
тяжелый, пурпурный хитон.
Но жизнь угрожала разделом
спасенья и будущих благ.
Лежал безголовый на белом,
бездушен и мстительно наг.
Проклятие жрец нацарапал,
что месть и хитра, и нема,
Нетрезвые слуги сатрапа
проспали, лишившись ума.
Покинув беспечно чертоги,
танцует, и город хранит,
пока ее белые ноги устанут
от каменных плит.
По воле упрямого рока,
убийство сведя в ремесло...
Смотри: даже силой порока
бывает унижено зло.

ВОСЬМАЯ КАЗНЬ

Приходят с ветром чары злые,
Пустыня дышит горячо,
Но только таинства былые,
Как прежде тронут за плечо.
Внезапно небо потемнеет,
И пульс перебежит в висок.
Здесь аксиома страха веет,
Подняв мучительно песок.
Где пики пирамид взывают
О Пятикнижии надежд,
Слетелась прямокрылых стая
В зелёном золоте одежд.
Правитель! Мы у бездны края,
Как воинство идут они,
Все на пути своем сжирая.
А жить нам считанные дни!
Природы тайное коварство,
Где клятва обретает вес.

Сними корону двоецарства
и с бритой головы немес!
Жрецам папирус тайный снится,
дымятся жертвенно кишки,
Уже на легкой колеснице
привозят орденов мешки.
Бери любой, упрямый Мозес,
Еще дары с рабами жди,
Забудь народ, забудь угрозы,
но только порчу отведи...
Что соплеменник? Он о брюхе
лишь думает, и тем глупит,
Здесь самый высший орден – Мухи,
Их три на золотой цепи!
Фанфары воют пред тобою,
На счастье белый дан верблюд,
И Нил с водой голубую,
Изысканные сотни блюд.
Цариц с пурпурными губами
ждут поцелуи. Так постой,
ты одарен семью гробами
при жизни. Каждый золотой.
Бинты для благовоний свиты
и даже вечность – не вопрос,
Через нос взболтают парасхиты
стилетом твой бунтарский мозг.
Вот Скарабеи из нефрита
сияют в отблеске лампад,
Но сердце чем твое разбито
и бьется ныне невпопад?!
Свое спасительное имя
без прежних вспоминай обид,
Пусть Сфинкс, сторожащий святыни,
тебя сегодня вразумит...
Мы все из ила или пыли,
из солнца только фараон,
Когда евреи позабыли,
что лишь обожествляем он?!
Но нет прощенья до срока,
Конца в божественной войне...
Спина согбенная пророка
исчезла в нараставшей тьме.

КОРМЧИЙ

Власть времени сильнее судьбы одной,
Должно быть, жизнь уже переломилась
на полпути. И дальний берег мой
соединил в одно – и явь, и то, что снилось.
Мне не сорвать покровы тайной мглы,
К ее ступеням припадаю молча,
По гребням вод хвалы или хулы
Я к Богу поплыву – упрямый кормчий.